

«КОРОЛЬ ЛИР»

На спектакле Шекспировского театра

Театральная условность, сценические аллегории уже давно не кажутся нам странными.

От Шекспировского театра и ожидали скупости изобразительных средств, оголенности площадки для игры, отсутствия строенных декораций.

Но аскетическая суровость обстановки тронного зала британского короля, жесткость серых плоскостей, вдруг поднявшихся и заключивших сценическое пространство в высокие стены мира-тюрьмы, разом перевернула сложившиеся представления и разрушила самые смелые догадки.

В углу сцены — грубо сколоченный стол из некрашеного старого дерева. На нем — немногочисленные предметы реквизита: корона, скипетр, кованые цепи и латы. На сцену вышли люди в одинаковых серых одеждах, в четком слаженном ритме разобрали со стола знаки царской и вельможной власти, и начался диалог, завязалось действие великой шекспировской трагедии.

...Двор короля Лира не блещет золотом и пурпуром. Древней патриархальностью, почти первобытной простотой отмечено все его окружение.

Сняв позолоту с железа, режиссер спектакля Питер Брук отбросил нас в глубь времен, к седой древности хроник Голиншеда, на несколько столетий до нашей эры и на двадцать пять веков до современников Шекспира. И в то же время, отступив назад, создатели спектакля и, конечно,

в первую очередь Пол Скофилд, исполнитель роли Лира, предельно приблизились к зрителю, как бы вовлекли их в круг душевного соперничества с происходящим на сцене.

...Лир первых сцен — грозный правитель жестокой, грубой эпохи. Королевская власть Лира опирается на необузданную силу. В спектакле свита Лира — орущая, жрущая, жадно стучащая стаканами орда — рыцарская опричнина. С дикой сворой носится Лир по угольям Гонерильи. Он врывается в ее замок — спешившийся с коня, с хлыстом в руке — охотник, всадник, властитель. Первые унижения еще не могут заставить Лира усомниться в своем величии.

Ход событий все больше и больше расшатывает незыблемое. Ужасны удары, беспредельна бездна открывшегося предательства, но Лир все остается несогбенным. Уже «ранен мозг», буря ворвалась в смятенное сознание, а теряющий рассудок Лир сохраняет непреклонность.

Поразительно в спектакле звуковое решение сцены бури. Ее пррывистые ритмы, нарастающий рокот, завыва-

ния ветра — все перекрывает необыкновенный голос Пола Скофилда. Глубокий и сильный, без малейшего нажима, он заглушает стоны разбушевавшейся стихии, заставляет безмерно сострадать гонимому королю.

Пришедший из эпических сказаний царь вызывает острое человеческое сочувствие — так сильна тема нравственной цельности, которую несет игра Скофилда.

С разверзшихся небес вдруг спустились ржавые железные щиты. Лир увидел себя в железной клетке, ощутил тщету преходящей власти. Во второй половине спектакля Лир у Скофилда тих и умиротворен. В белых сединах, в светлом одеянии странника, с проясненным взором нисходит он в жестокую жизнь. Лир обрел высшую мудрость — мудрость человеческого сердца. В сценах с Корделией (арт. Дайяна Ригг) отчетливо зазвучал мотив очищения страданием, раскаяния, обретения любви. Возвращение к человечности — тема, воплощая которую, Скофилд потрясает зрителей.

Полная отстраненность от бытовых подробностей углубила наше восприятие духовной трагедии Лира, обострила проблему его нравственного перерождения. Но она же породила и отрешенность от раздумий о природе общественных отношений, о социальной несправедливости, лежащей в основе реального мира, о котором писал Шекспир.

В социально-философской трагедии «Король Лир» Питер Брук и Пол Скофилд выделили общефилософское и нравственно-эстетическое начало.

Питер Брук ввел в спектакль пантомимические эпизоды — всегда очень короткие, предельно выразительные. Точная соразмерность движений актеров с перекатами грома, гулом дождя за сценой создает полную иллюзию ветра и бури, сшибающих путников с ног.

Так же экспрессивна и многозначительна символика цветов в спектакле. Как «синяя заморская страна», предстает цветовой образ Франции. Синий плащ французского короля, синие прямоугольники, превращающие серые камзолы в матросскую форму, голубое и розовое, как утренняя заря, платье Корделии.

Тонкая продуманность деталей не заслоняет в этом спектакле его основной мысли. Прекрасная слаженность ансамбля, пластичность, точнейшее следование режиссерскому рисунку — свидетельство высокой сценической культуры молодых актеров. Этой высокой культурой и заслужено их право играть в одном спектакле с замечательным актером Полом Скофилдом.